Сердце Эрмиты (фрагмент)

Марта Милоданович

Сердце Эрмиты

Сердце Эрмиты (фрагмент)

Марта Милоданович

Серия «Хрустальные кружева Арви», книга 4

Спасательный звездолёт «Стриж» живёт своей жизнью: пересменки, лицензии, долги и вызовы, на которые больше никто не летит.

Капитан Арвойтус Гота знает о межзвёздных перелётах больше, чем ей хотелось бы, и всё ещё не понимает, какая роль отведена ей в истории, которая намного больше её самой. Поэтому она делает то, что умеет лучше всего: спасает людей.

Но в Рукаве трудно понять, кто здесь избранный и на чьи плечи легла миссия. Похоже, каждый выбирает свою ношу сам. И несёт её не потому, что должен, а потому, что иначе нельзя.

Четвёртая книга серии «Хрустальные кружева Арви».

Бесплатный фрагмент: первые 3 главы. Полная книга — на сайте автора: https://milodanovich.ru/books/

Содержание

Глава 1 **1**

Глава 2 **10**

Глава 3 **20**

Продолжение **29**

Глава 1

Кольцо Тессы шумело так же, как месяц назад и как год, но сейчас звук доходил до Арви словно через одеяло. Вентиляция, колёса тележек, чей-то смех ярусом выше, лязг ставни, которую поднимали над лавкой, — всё это было где-то рядом и одновременно далеко, за толстой мягкой стенкой. Пол впереди уходил вверх и пропадал за изгибом. Люди с тележками шли по наружному борту кольца и, как всегда, не падали. Арви поймала себя на том, что смотрит на них, как новичок с карантинного яруса, и ждёт, что кто-нибудь всё-таки сорвётся.

— Не отставай, — бросил Мик, оглянувшись на ходу. — Аюда сказала к десяти. У неё к десяти значит без пяти, а без пяти значит, что пирожки уже остывают и она на тебя за это обижена.

— Иду. — Арви поправила на плече сумку с подарками: спасибо Мику, он выгреб весь сувенирный магазин, пока она приходила в себя, иначе подруги бы их не простили, потому что вернуться с розовой планеты с пустыми руками — преступление, за которое не делают скидку даже при учёте горевания.

Ирма сняла её с седативов шесть дней назад. Сказала, что дальше надо самой, и выдала список, чего не делать: не принимать алкоголь и стимуляторы, не сидеть одной в каюте, не отказываться от еды. Мик забрал его и повесил на камбузе. Есть Арви не отказывалась. Она просто не всегда помнила, ела ли уже.

У рынка толпа сгущалась. Пахло обедом не ясно каких народов, хотя время было явно не обеденное: у кого-то на

жаровне шипела рыба с чесноком, у соседней стойки варили бульон, и от его пара на поручнях оседали капли. Торговали зеленью из гидропоники, связками лука, банками квашеных сартинелл, уплотнителями и фильтрами вперемешку, детскими куртками, кристаллами для часов. Тётка с тележкой горячих лепёшек кричала цену в кронах и тут же в скрипах, для тех, кто с нижних ярусов. Мимо протиснулся грузчик с ящиком на плече, задел Арви локтем, извинился не оборачиваясь.

Мик застрял у пряностей. Он нюхал кардамон из открытого мешка с таким лицом, с каким другие люди слушают музыку, и уже начал торговаться, не собираясь ничего покупать. Арви встала рядом, у столба, чтобы не мешать потоку, и посмотрела через проход.

Там, между лавкой с посудой и колонной, стоял парень. Незнакомое лицо, резкое, с высокими скулами и тяжёлым, упрямым подбородком. Короткие каштановые волосы, небрежно упавшие на лоб, бритые виски. Ему было двадцать, не больше, но в неподвижных чертах уже угадывалась какая-то недетская жёсткость. Чёрная одежда сидела безупречно, плечи расправлены, руки в карманах. Он стоял так, словно весь этот мир был ему тесен, а он пока просто не решил, что с этим делать. В нём чувствовалась энергия, сдерживаемая с таким усилием, что казалось: коснись его, и она ударит током.

Он смотрел на неё. Не скользнул взглядом по толпе, как все, а остановился на ней и замер. От её взгляда из него на мгновение ушла вся эта уверенная неподвижность, и Арви вдруг разглядела за жёсткими скулами и снисходительным ртом совсем молодого парня, почти ребёнка. Чуть обветренные губы приоткрылись, но он не произнёс ни слова.

Арви тоже застряла на нём взглядом. Не потому, что он был красив, хотя отрицать это было бы глупо. В нём не было отполированной, безопасной красоты мальчиков с рекламных экранов. Он был слишком настоящим: живое, напряжённое лицо, тёмные глаза, в которых что-то вспыхнуло и тут же спряталось, словно он сам испугался того, что выдал. Арви поймала себя на том, что пытается угадать, кто он такой и почему смотрит на неё так, будто она не опухшая сорокалетняя

женщина, а небесный ангел. И никак не могла заставить себя отвести глаза.

Шум кольца ушёл совсем. Остался только проход шириной в несколько шагов и этот взгляд — прямой, неловкий, испуганный. Парень дёрнулся: кажется, хотел шагнуть к ней или от неё. В эти несколько шагов между ними втиснулась тележка с лепёшками, за ней протиснулись две женщины с сетками, а когда грузчик развернул свой ящик, толпа сомкнулась, как вода над камнем.

Когда тележка проехала, у колонны никого не было.

— Ты чего? — Мик тронул её за локоть. В руке у него был крошечный бумажный кулёк, значит, всё-таки купил. — Арви.

Она выдохнула. Получилось с усилием, как после долгого нырка.

— Душно здесь, да и что-то я отвыкла от толпы.

Мик посмотрел на неё сверху, как всегда чуть пригнувшись, и кивнул, не пытаясь ничего уточнять. Он взял её под руку, и так, против вращения, где шаг немного легче, они дошли до самого жилого сектора.

* * *

Дети у Аюды были в школе, муж на смене, и квартира стояла непривычно тихая и прибранная, как перед приездом комиссии. Стол Аюда выдвинула на середину комнаты. На нём было столько еды, что хватило бы на пересменку «Стрижа»: пирожки с капустой и подобием сала, с картошкой и укропом, сладкие с вишней, отдельная тарелка с какими-то крошечными, на один укус, с яйцом и луком. Аюда, конечно, извинилась, что мало.

— Я не знала, кто что будет, — сказала она, расставляя чашки. — Поэтому сделала всего понемножку.

Понемножку тут было явно не очень подходящее слово, но Мик промолчал, а Арви не нашла сил шутить.

Ника пришла раньше них. Она сидела у края стола, красивая, в светлом свитере, и поднялась, когда Арви вошла, но не обняла, а только коснулась её руки, коротко, словно проверяя, настоящая ли. Потом подошла к Мику. Они на секунду замешкались, не понимая, как им здороваться, и наконец крепко обнялись. Мик

начал подробно перечислять, какие виды муки и специй он привёз для их совместной кондитерской, а Ника, перебивая его, нахваливала новых сотрудников.

За стол сели все вместе, что было совсем необычно — в этом доме царил хаос, и каждый ел там, где найдёт себе место, но в этот раз получился какой-то торжественный завтрак. Аюда положила Арви на тарелку три пирожка, подумала и добавила четвёртый. Мик взял один с капустой, откусил и стал жевать медленно, с профессиональным вниманием, будто собирался потом составить отчёт.

Повисла чавкающая пауза.

Арви чувствовала, как эта пауза растёт и густеет, и понимала, что причина её — она сама. Никто за столом не знал, что говорить. Ни одна из них ещё не теряла человека вот так, чтобы он просто перестал существовать насовсем. Аюда хоронила деда, Ника однажды едва не потеряла детей, но это было не то, и все это понимали и боялись промахнуться словом.

— А погода сегодня… — начала Аюда бодро и осеклась.

На Тессе не было погоды. Был график освещения, были сектора, где теплее, и те, где холоднее, а раз в неделю у рынка сбоила вентиляция.

— Хорошая, — сказала Ника очень серьёзно. — Без осадков.

Мик фыркнул в чашку. Аюда покраснела, засмеялась и тут же снова стала двигать по столу тарелки, хотя двигать было уже некуда.

— Ешьте, — сказала она. — Остынут же.

Арви послушно откусила пирожок с вишней. Вкус дошёл с опозданием, как и всё в эти дни.

— А Ива? — спросил Мик.

— Обещала, — Аюда посмотрела на дверь. — Я ей вчера три раза напоминала, и она все три раза сказала «да», и ни разу не сказала, когда точно сможет прийти; у неё «эти» дни, в смысле творческие.

Дверь пискнула ровно в ту минуту, когда пауза собиралась снова сгуститься.

Ива всегда входила так, что на неё оборачивались. Обычно она несла себя внутри сногсшибательного комбинезончика от

лучшего дизайнера Рукава: на другой женщине он выглядел бы рабочей одеждой, а на ней казался вечерним платьем. Волосы лежали гладко, один к одному, и на лице было ровно столько косметики, чтобы никто не догадался, что она там есть.

Сегодня она пришла в пижаме.

Пижама, надо признать, была дорогая и стильная: тёмно-зелёная, с узким кантом, из ткани, даже в мятом виде лежащей благородно. Но она была заметно мятая. И не первой свежести, на манжете темнело пятно, похожее на кофе. Лицо без краски выглядело старше и мягче, а волосы торчали с одной стороны так, словно Ива спала на них, а потом долго сидела, запустив в них пальцы.

— Ива, — выдохнула Аюда. — Ты так по кольцу шла?

— Тут три сектора, — Ива пожала плечами и села на свободный стул. — Никто не смотрел, а кто смотрел, тот решил, что это мода.

Она взяла пирожок с картошкой, понюхала и съела в два укуса. Похоже, ела она сегодня впервые.

— Что с тобой? — спросила Ника.

— Простите, — сказала Ива, и в голосе её не было ни капли раскаяния. — Герои хотят быть написанными. Они сидят во мне и хотят, чтобы их выпустили в мир. Я тут ни при чём.

Арви знала про эти её приступы ещё с их совместной учёбы в академии. Ива писала нейросны на заказ, лучшие в Рукаве, и получала за них деньги, о которых остальным за этим столом можно было только тоскливо мечтать: женщины с ледяных лун, говорящие рыбы, романтические спасения — всё, что просили заказчики. А иногда в ней просыпалось что-то другое. Тогда она бросала заказы, улетала на какую-нибудь красивую планету, снимала домик на месяц или два и под чужим именем писала нейры, которые никогда не шли в массовый прокат. Их смотрели свои, человек двести на весь Рукав, и спорили о них годами. Эти приступы накрывали её внезапно, и она ничего не могла с ними поделать: живая Ива исчезала, а на её месте появлялось существо, из которого вываливались образы, герои, сюжеты. Даже то, что сегодня она дошла до подруг и сидела теперь с ними за столом, было для неё верхом героизма, Арви

это понимала и была благодарна.

— И куда ты в этот раз? — спросил Мик.

— Никуда, — Ива взяла второй пирожок. — Не долетела. Даже билет не взяла. Скоро Тимир приедет, обещал следить за моим режимом дня. Прижало прямо здесь, я заперлась в квартире и вторую неделю не выхожу. Сегодня вот только выползла ради вас.

Она сказала это просто и посмотрела на Арви, и Арви поняла, что «ради вас» означает «ради тебя», но Ива не стала этого уточнять, и спасибо ей.

— А о чём? — спросила Аюда.

Ива помолчала, крутя в пальцах пирожок.

— Сама пока не понимаю, оно после ваших историй с Сиваша из меня полезло. Там кто-то поёт. Пение, которое слышно только внутри. Снаружи тишина, а внутри поют. — Она поморщилась. — Больше ничего не скажу, потому что больше ничего не знаю. Они мне пока не рассказали.

— Кто они?

— Герои, Аюда. Я же говорю, — Ива как будто разозлилась на то, что не все следят за её мыслью.

Аюда посмотрела на неё с жалостью, как на больную, и подлила чаю. Ива благодарно кивнула и не заметила, что чай был не её.

Арви держала свою чашку очень бережно — горячую, и это было хорошо, потому что пальцы мёрзли.

Ника заговорила, когда все снова замолчали. Тихо, опустив глаза к крошкам возле своей тарелки.

— Я ведь единственная из вас его знала.

Аюда замерла с чайником в руке. Мик перестал жевать.

— Он был очень похож на Рилана, — сказала Ника. — Только на того Рилана, которого я сама хотела бы видеть.

Арви подняла глаза. Ника встретила её взгляд спокойно, без той осторожной жалости, с какой смотрела Аюда.

— Он был очень… хорошим, — добавила Ника.

Арви хотела сказать «да, спасибо» и не смогла, потому что горло опять перехватило, почти как час назад на рынке, и просто кивнула, а Ника ответила ей тем же.

Стало так тихо, что слышно было, как гудит в стене вентиляция и как у соседей за переборкой кто-то роняет кастрюлю.

— А у меня новость, — громко сказал Мик.

Все повернулись к нему, Аюда с явным облегчением.

— Меня Мару тренирует, — объявил он и выпрямился на стуле, отчего сразу стал на голову выше всех. — Каждый день. В спортзале, сначала на «Стриже», а сейчас на третьем ярусе. Она сама из-за ключицы пока мало что может, так что сидит на ящике и командует. Знаете, как она командует? Хуже Тобиаша.

— Тебя? — Аюда поставила чайник. — Зачем?

— Затем, что я иду, наконец, сдавать на лицензию спасателя.

Ива перестала жевать.

— Мик, — сказала она. — Ты кок. И ты ведь уже дважды заваливал эти экзамены!

— Трижды. Ну да, я кок, — согласился Мик. — И суперкарго. И буду спасатель. Младший, с ограничениями, но с лицензией. Мару говорит, что в скафандре я хорош, мне только пролезать никуда нельзя, и что это можно натренировать.

— Это правда, — сказала Арви. Голос у неё вышел хриплый, но это был голос.

Мик посмотрел на неё быстро и тут же отвернулся к остальным, будто ничего не заметил.

— А главное, — сказал он, понизив голос, как для страшной тайны, — я подтянулся.

— Что ты сделал?

— Подтянулся на турнике. Первый раз в жизни. Сорок лет, Аюда, сорок лет я висел на этих турниках как мешок с мукой, а позавчера взял и подтянулся. Мару так орала, что из соседнего зала прибежали проверять, кого убивают.

— Не верю, — приподняла брови Ива.

Мик встал, отодвинул стул и пошёл к двери в кухню.

— Мик, — Аюда вскочила следом. — Не смей. Это косяк, а не тренажёр! Его муж два раза чинил!

Но Мик уже ухватился пальцами за верх дверной рамы. Роста ему хватало, чтобы достать, не подпрыгивая. Он повис, поджал ноги, и лицо у него стало сосредоточенное и страдальческое,

как у человека, который поднимает на себе весь «Стриж». Рама скрипнула. Аюда взвизгнула и закрыла рот ладонью. Мик медленно, рывками, с хрипом потащил себя вверх, и его нос поравнялся с косяком, а подбородок, кажется, не совсем, но почти.

Потом он отпустил руки и спрыгнул, красный, взмокший и абсолютно счастливый.

— Вот, — сказал он. — Подбородок не считается, Мару говорит, что дома не считается.

Ива захохотала первой, запрокинув голову, и пижама на ней съехала с плеча. За ней засмеялась Ника, тихо, прикрываясь чашкой, а потом и Аюда, которая всё ещё держалась за сердце и проверяла пальцами раму. Арви не засмеялась, но почувствовала, что улыбается, и что это не стоит ей никакого труда. Впервые за утро в комнате стало легче дышать, словно кто-то наконец открыл заслонку.

— Я это напишу, — сказала Ива, вытирая глаза. — Честное слово. Кок, который подтягивается на дверях. Заказчики меня убьют.

— Пиши, — разрешил Мик великодушно. — Только чтобы с подбородком.

Он посмотрел на часы и вздохнул.

— Мне пора. У нас с Мару встреча через полчаса, за опоздание она спрашивает строго, и одной руки ей для этого вполне хватает.

Аюда тут же стала заворачивать пирожки в салфетку, для Мару, потом ещё для Тобиаша, потом для всех, кто будет в зале. Мик не возражал. В дверях он задержался и посмотрел на Арви.

— Дойдёшь сама?

— Дойду.

— Хотя нет, я заберу, — поправил себя он, как будто она ничего не ответила. — Напиши, когда.

И ушёл. Дверь пискнула и закрылась.

* * *

Без Мика за столом стало просторнее и почему-то тише. Аюда собирала крошки в ладонь. Ива доедала уже неизвестно какой

по счёту пирожок. Ника смотрела на Арви и ждала, хотя Арви ничего не обещала говорить.

— Я его вижу везде, — всё-таки проговорила Арви.

Слова вышли сами, и ей сразу стало стыдно. Она сжала чашку крепче.

— Митра? — тихо спросила Аюда.

— Везде. В мужчинах на причале. В актёрах в рекламе нейроснов, Ива, в твоих, кстати, тоже. В торговце фильтрами, ему лет семьдесят, и он вообще ни капли не похож, только голову наклоняет так же, когда слушает. Даже совсем непохожие чем-то напоминают. Иду по кольцу и всё время оборачиваюсь. Как дура.

Никто не засмеялся. Аюда положила крошки обратно на стол, будто забыла, зачем их собирала.

— А сегодня, — продолжила Арви и почувствовала, как снова сбивается дыхание, — у рынка. Мик там кардамон нюхал, а напротив стоял парень. Молодой совсем, и смотрел на меня так, будто прямо в внутрь меня. Будто я ему что-то…— Она не нашла слова. — Я чуть не кинулась к нему. Через весь проход. Потом тележка, люди, и его нет.

Она замолчала, и вдруг ей стало смешно, по-настоящему, до спазма в груди.

— Господи, — сказала она. — На ребёнка чуть не кинулась, он же, наверное, по возрасту как твои старшие, Ника.

И засмеялась. Смех вышел громкий и рваный, и одновременно по щекам потекло, горячо и много. Что из этого сильнее, понять не получалось, и остановить не удавалось ни то, ни другое. Она смеялась и плакала, вытирала ладонью мокрое лицо и опять хохотала, потому что это было нелепо: сорок лет, капитан, а реветь над чашкой из-за мальчишки у колонны.

Ива первая перегнулась через стол и молча забрала у неё чашку, пока она не разлила чай. Потом Аюда обошла стол и обняла её сзади, прижалась щекой к макушке, пахнущая тестом и вишней, и стала гладить по плечу, как гладят детей. Ника не встала. Она протянула руку через стол и накрыла её пальцы своими, сухими и прохладными, и держала так, не говоря ни слова.

— Это пройдёт, — прошептала наконец Аюда в её волосы. — Пройдёт, слышишь?

— Не обязательно. — Ива покачала головой. — И не надо, чтобы прошло. Пусть просто станет меньше.

Аюда посмотрела на неё укоризненно, но спорить не стала.

Арви выдохнула. Смех кончился первым, слёзы чуть позже. В голове было пусто и светло, как в отсеке после продувки. Она хотела сказать что-нибудь, что вернуло бы их к пирожкам и к Мику на двери, и почти придумала что, когда у Ники на запястье коротко пискнул коммуникатор.

Почти сразу запищал и Аюдин, на подоконнике, а следом из кармана пижамы отозвался Ивин. Три сигнала, один за другим, одной и той же тревожной ноты срочной ленты новостей. Коммуникатор Арви молчал: она отключила его ещё на «Стриже», и Мик об этом знал.

Ника посмотрела на запястье. Пальцы её на руке Арви чуть дрогнули.

— Что там? — спросила Аюда, не отпуская Арви.

Ника помолчала, перечитывая.

— Новости. Гаспра требует у Мойнаки выдать тело Митра Пароша, — сказала она ровно. — Для расследования.

Никто не ответил. Аюда так и стояла, обнимая Арви, и Арви чувствовала, как у неё замерли руки. Ива медленно вынула коммуникатор из кармана, посмотрела и положила экраном вниз. В стене гудела вентиляция. За переборкой у соседей кто-то снова уронил кастрюлю, и звук прокатился по комнате и стих.

На столе высыхали пирожки, их всё-таки было слишком много.

Глава 2

Вначале был звук, и звук был у Вселенной, и Вселенная была звуком.

Он приходил в себя, если это можно было так назвать, ведь «себя» больше не существовало, и пытался отличить своё существование от остального звука. Ни света, ни тьмы не было,

был только гул, огромный и ровный, и он был частью чего-то большого, но упрямо отделял себя от этого. Внезапно вокруг него что-то появилось. Стало формироваться зрение, и из темноты вылепливались отдельные очертания. Стало понятно, что это фигуры и что он сам становится такой же. Без веса и массы, но самостоятельной фигурой.

— Извини, Митр, мы не сразу поняли, что тебе проще начать общение в привычной форме.

Фигуры шевелились, и от них шёл направленный звук — старательная и не очень умелая имитация человеческой речи. Слова приходили правильные, ударения стояли на своих местах, но под каждым тянулся низкий хвост, как будто кто-то говорил в огромном пустом зале и не успевал дождаться, пока стихнет эхо.

Митр попробовал ответить и обнаружил, что отвечать нечем. Горла не было. Он подумал «где я» и услышал, как мысль прозвучала. Не голосом, а тоном, коротким и неуверенным, чуть выше общего гула. Мысль повисла, и фигуры её приняли.

— Внутри, — сказала одна из них. — Ты называл это ядром. Твои люди называют хором. Нам подходит и то, и другое.

Фигур было пять или шесть. Посчитать точно не получалось: стоило задержать на одной внимание, как она расплывалась и становилась частью соседней, а потом снова собиралась. Лиц у них не было, только намёк на плечи и голову, как у людей, нарисованных на запотевшем стекле. Митр догадался, что их так изобразили для него. Из уважения или из удобства — разницы, пожалуй, не было.

Он подумал «я умер» и на этот раз постарался, чтобы тон вышел ровнее.

— Тело умерло, — ответили ему. — Его вынесло на берег. Ты — нет.

Последнее, что он помнил, была вода. Холодная, розовая на просвет, и соль, разъедавшая глаза. Потом соль кончилась, а холод остался, и Митр долго ещё помнил его, когда уже нечем было мёрзнуть. Сейчас он попробовал найти в себе руки, ту, которую ломал, и ту, которой держал чужую ладонь в медотсеке. Рук не было. Было ощущение, что он есть, и это ощущение

звучало.

Он начал слушать.

Гул оказался не гулом. Чем дольше Митр в него вслушивался, тем больше в нём было слоёв, и каждый слой двигался по-своему. Где-то внизу тянулась длинная нота, такая низкая, что раньше он принял бы её за дрожь палубы. Над ней складывались аккорды, медленные, тяжёлые, и Митр с удивлением понял, что каждый аккорд что-то значит. Не слово и не картинку, а мысль целиком, со всеми её доводами, уложенную в одно созвучие. Аккорд звучал, затихал, и на его месте появлялся следующий, который отвечал первому. Иногда между ними наступала пауза. Пауза была решением: что-то взвесили, выбрали и больше к этому не возвращались. А иногда два созвучия сталкивались, тёрлись друг о друга, и получался диссонанс, режущий, неприятный, долгий. Диссонанс был спором. Его не торопились разрешать.

— Вы спорите, — сказал Митр. Теперь у него получилось почти по-человечески.

— Мы всегда спорим, — ответила фигура, та, что стояла ближе. — Нас много.

— Сколько?

Фигура помолчала, и в этой паузе слышалось затруднение.

— Посмотри сам. Только неглубоко.

Он посмотрел. Или послушал, в этом месте одно не отличалось от другого. И тут же понял, почему его просили неглубоко.

Тембры. Их было больше, чем он мог сосчитать, и они были разные не так, как разные голоса в одном хоре, а так, как разнятся между собой инструменты, сделанные в разных мирах из разного материала для разных ушей. Один звучал сухо и коротко, как будто по натянутой жиле били костью. Другой тёк сплошной волной без начала и конца. Третий вообще едва укладывался в слух и ощущался скорее давлением. И всё это было одной партитурой. Каждая партия вела свою линию, но под ними держалась общая опора, решётка, на которую они были натянуты, и решётка эта гудела, принимая и раздавая звук.

— Вы не один народ, — сказал Митр.

— Мы не один народ. Твои люди дали нам одно имя, потому что видели нас только спящими. Спящие все похожи.

— Тихие.

— Тихие, — согласилась фигура, и в общем гуле прошла лёгкая рябь, похожая на смешок. — Хорошее слово. Мы тихие, пока спим.

Из того, что Митр успел расслышать, складывалось вот что. Каждый из этих тембров когда-то был расой, дошедшей до предела своего развития, — до той черты, за которой тела, планеты и звёзды стали мешать больше, чем помогать. Тогда они ушли в сон и, вплетя себя в общую решётку, где звучали теперь одним гулом, стали ждать. Их черёд должен был настать, когда Вселенная остынет и станет пригодна для чего-то следующего, о чём Митр не смог даже подумать, потому что для этого у него не было ни слов, ни аккордов. Они ждали, и сон их был долгим, а решётка была одна на всех.

Он отступил. Не потому, что испугался, а потому, что почувствовал, как начинает растворяться. Ещё немного, и его собственный тон, неуверенный и человеческий, утонул бы в этой партитуре, как капля в баке.

— Хватит, — сказали ему мягко. — Ты ещё маленький.

Митр собрал себя обратно. Это оказалось труднее, чем он думал: пришлось вспоминать, какой он. Упрямый. Не умеет вовремя замолчать. Знает, как считать кислород на реанимационной койке, и не стесняется признавать свои ошибки при всех. Держал за руку женщину, которая забыла название пирога. С каждым воспоминанием фигура, которой он был, становилась чуть чётче.

И вместе с последним воспоминанием пришло то, что нужно было сказать с самого начала.

— Верните меня, — сказал он. — К Арви.

Аккорд, который как раз складывался где-то в глубине, оборвался.

— Ты понимаешь, о чём просишь?

— Понимаю. Хранители разучились хранить. Совет держит канал с охотниками Гаспры, я это видел. Они продают ваших

спящих по кускам, жгут вас в каждом прыжке и считают, что так и надо. Кроме меня вас там никто не защитит. И её тоже.

Он сказал это быстро, без пауз, и сам услышал, как его тон режет общий гул. Диссонанс получился грубый, некрасивый. Фигуры не отстранились. Они слушали.

— Её ищут, — добавил он тише. — Она для них лоза. Они будут водить её от узла к узлу, пока не найдут всё, что им нужно, а потом…

— Мы знаем, — сказала фигура.

— Тогда верните.

— Это мы не можем.

Это было сказано без сожаления и без отказа. Как сообщают о погоде.

Митр хотел возразить и вдруг понял, что слышит больше, чем раньше. Пока он требовал, его тон натянулся, как струна, и потянулся наружу — туда, где решётка выходила к миру.

Он услышал озеро.

Не вспомнил, а услышал. Розовую воду Сиваша, медленный плеск у берега, соль, оседающую на камнях, и под всем этим знакомый голос ядра, теперь спокойный, усталый, тяжёлый, как человек после долгой работы. Где-то там, на берегу, было его тело, и рыбаки, и Мойнаки, и, может быть, она. Но озеро не давало подойти ближе, оно было просто звуком.

И одновременно с озером он услышал Тессу. Узел там спал беспокойно: в его звуке была трещина, неровная пульсация, как у сердца с перебоями. Через него шли корабли, и каждый проход отзывался крошечным провалом, пропущенной ступенькой в темноте. Митр различал каждый из них и слышал, как от узла отщипывают по маленькому куску и как кусок вспыхивает и гаснет.

А ещё он услышал что-то третье.

Далеко, так далеко, что «далеко» теряло смысл, в решётке было тёмное место. Не тишина, не отсутствие звука. Там звучало что-то густое и медленное, и Митр не мог понять, чей это тембр и есть ли у него вообще тембр. Оно оставалось на месте, тяжёлое и безучастное к нему. Оно просто было, и от его присутствия общая партитура в той стороне становилась ниже и осторожнее.

Озеро, Тесса и это тёмное звучали для него в один миг, рядом, на расстоянии мысли. Ни одно не было ближе другого.

— В хоре нет расстояний, — сказал Митр. Он не спрашивал.

— Нет, — согласилась фигура. — Ты быстро понял.

— Что это? Там, дальше.

Пауза. Долгая. И Митр понял, что она тоже решение: ему не скажут.

— Не сейчас, — ответили ему. — Ты слишком маленький, чтобы это вместить. Чтобы понять всё, надо стать частью хора. Пропустить через себя всё, что мы знаем. Тогда тебя не будет, будет хор.

— Я не хочу.

— Мы знаем. Поэтому ты пока не станешь частью. Поэтому мы с тобой говорим.

Он снова прислушался к Тессе, к перебоям узла. Каждый провал теперь отзывался в нём самом.

— Тогда расскажите, что можете, что я смогу понять. Я должен знать, кого защищаю.

И они рассказали. Конечно же не всё, но не потому что хотели скрыть, а потому что он не смог бы в себя вместить. Ему дали ровно столько, сколько он мог удержать, не расплываясь, и он чувствовал, как часть рассказанного всё равно ускользает, оставляя только общий рисунок.

Когда-то, задолго до сна, Тихие — те самые, кого ему теперь предстояло защищать, — не спали. Они ходили между мирами и встречали тех, кто был моложе. Молодые расы воевали, гибли, доводили свои планеты до края, и некоторые просили увезти их: не все, а те, кого довели войны, или те, кто просто не хотел больше жить там, где родился. И Тихие увозили. Без принуждения, только по согласию: кто хотел, тот уходил, кто хотел остаться, оставался. Увезённых расселяли по другим мирам, подходящим, пустым или почти пустым, и оставляли. Дальше ваше дело. Растите сами.

— Люди, вот почему мы находим одни и те же народы на разных планетах! — воскликнул Митр.

— Люди тоже. На Землю и на сотни других планет, в разных местах. Ты удивлён?

Он был удивлён меньше, чем ожидал. Скорее почувствовал, как что-то давно знакомое встало на место.

— Зачем вам это было?

— Ставки, — ответила фигура, и слово прозвучало почти по-человечески, с лёгкой иронией. — Нас мало, а мы ждём долго. Каждый посеянный народ — это надежда, это наша ставка. Если хоть один дорастёт до вершины, он придёт к нам и встанет в хор как новый тембр. Пока мы спим, мы ждём, что кто-нибудь присоединится. И когда придёт время, мы вместе продолжим своё развитие, каждый голос в хоре — новая возможность.

— И много пришло?

На это ответила не одна фигура, а весь гул разом, и ответ вышел низким, протяжным, почти печальным. Митр понял его без слов. Мало. Очень мало. Редкие расы перерастают подростковые болезни. Большинство гибнет рано: в войнах, в жадности, в собственном огне, или от отсутствия амбиций к развитию. Гибнет, так и не узнав, что на него кто-то ставил.

— А люди Рукава жгут вас, чтобы прыгать от звезды к звезде, — сказал Митр. — Хорошая вышла ставка.

Короткий и острый диссонанс — то ли он спорил с ними, то ли они между собой, он не разобрал — потом разрешился.

— Поэтому ты нам нужен там. Мы это понимаем лучше, чем ты думаешь.

— Тогда верните. Я же прошу.

— Мы не умеем воскрешать тела. В нашем нынешнем состоянии мы почти ничего не можем сделать с миром вещей. Мы можем только звучать.

Митр замолчал. Тон его, только что натянутый, ослаб, и он почувствовал, как вокруг снова подступает партитура, ласковая, огромная. Здесь было бы легко остаться, перестать держать себя и стать ещё одним голосом.

— Но есть другое, — сказала фигура. — Мы можем попробовать.

— Что?

— Поселить тебя в эмбрион, в того, у кого ещё нет своей личности. Мы никогда этого не делали, Митр. Гарантий нет, ни одной, это будет эксперимент.

Он слушал, и каждое слово ложилось отдельно, как камень.

— Тебе придётся расти заново, — продолжала фигура. — Жить заново. Это будет другой человек с памятью Митра. Если память вернётся. Мы не знаем, вернётся ли она.

— А если не вернётся?

— Тогда будет просто человек.

Они дали ему подумать, и пауза эта не была решением. Её оставили пустой, для него.

— Где? — спросил Митр.

Решётка повернулась, и он увидел, вернее услышал, ещё один узел. Не тот, что на Тессе, и не озеро. Этот звучал глухо, издалека, как будто из-за толстой стены. Узел спал внутри Куори, и вокруг него время шло иначе. Быстрее. Звук там был сжатый, торопливый, как запись, пущенная на ускоренной перемотке.

Узел Эрмиты прятался далеко за краем Рукава, в глубине огромной пустоты между скоплениями галактик, где на сотни миллионов световых лет почти не было звёзд. Вокруг него висела скорлупа Куори, полая сфера из отрицательной массы размером с целую звёздную систему. Митр понял это не словами, а сразу целиком, как в хоре понимают всё. Обычная масса продавливает пространство и тормозит время, а эта скорлупа выгибала его в обратную сторону, и внутри время не замедлялось, а торопилось, в полтораста раз быстрее, чем снаружи. Свет чужих звёзд, пробиваясь внутрь, терял силу и краснел, поэтому небо над Эрмитой было закрыто красной вуалью.

— Эрмита, — сказала фигура. — Одна из наших ставок. Там люди и спящий узел. Очень закрытая система, далеко от всех. Мы думали, что она даст самую быструю цивилизацию: время идёт быстрее, мешать некому, они зашли в технологическом развитии дальше всех остальных и давно переросли опасный возраст, когда народы убивают себя сами. Это лучшее, что у нас есть.

— Через этот узел я смогу выходить к вам?

— Да. Если вспомнишь, как.

Митр ещё раз прислушался к Эрмите и услышал торопливый, чужой звук, в котором не было ни одного знакомого тембра,

никого из тех, кого он знал.

И тогда он услышал её.

Сначала он принял этот голос за Арви и рванулся к нему так, что вся его фигура дрогнула. Тембр был почти тот же: низкий для женщины, с хрипотцой на краях. Но потом он понял, что голос старше. В нём было больше пауз, и паузы были спокойнее. Арви так не умела.

Фигура вышла из общего гула медленно, как выходят из воды. Она была чётче остальных — плечи, руки, наклон головы, — и Митр узнал его раньше, чем из тумана проступило лицо.

— Ильва, — сказал он.

— Здравствуй, Митр.

Она подошла ближе. Здесь не было пола, и шагов не было, но она двигалась так, будто шла по берегу и осторожно ставила ноги между камней.

— Я долго тебя слушала, — сказала она и как будто улыбалась, — ты громкий.

— Вы были здесь всё это время?

— С тех пор, как ушла в озеро. Мне здесь не тесно, а вот тебе будет мало места, ты не такой.

Он хотел спросить так много, что вопросы толкались и мешали друг другу, а в итоге спросил одно:

— Вы слышали её?

Ильва помолчала. Потом её тон стал мягче.

— Слышала. Она жива. Она на корабле, со своими. Ей больно, и она пока не знает, что с этим делать.

— Я должен быть там.

— Ты будешь, — сказала Ильва. — Не сразу, и не так, как хочешь, и возможно, ты больше не будешь с ней, но я прошу тебя, защити её.

Он почувствовал, что она права, и от этого стало очень больно, настолько больно, что боль выплеснулась звуком.

— Если я соглашусь, — сказал он, обращаясь уже ко всем, — сколько это займёт?

— Там, на Эрмите, ты проживёшь много лет, — ответила фигура, та, первая. — Здесь пройдёт меньше. Мы не можем

сказать точно, разница во времени между нашими мирами — значение не постоянное.

Митр думал. Если это можно было назвать «думал»: аккорды в нём складывались и распадались, сталкивались, спорили, и он наконец понял, как это у них устроено, потому что спорил сам с собой и слышал свой спор. Отказаться — значит остаться здесь, в огромной, спокойной музыке, и смотреть, как Рукав жжёт спящих по кускам, как совет держит свой канал, как её водят от узла к узлу. Согласиться — значит, может быть, никогда больше не вспомнить, кто такая Арви. Вырасти кем-то, кто будет жить на чужой планете и не узнает, почему иногда просыпается от звука, которого никто больше не слышит.

Хор не торопил, и диссонанс тянулся долго.

Потом он разрешился. Тихо, без нажима, одной короткой паузой.

— Я согласен, — сказал Митр.

Никто не стал переспрашивать. Фигуры начали расплываться, возвращаться в общий гул, и вместе с ними что-то стало происходить с ним самим. Его тон истончился, стал уже, плотнее, будто его сматывали в тугой клубок. Озеро Сиваша ушло куда-то вбок и затихло. Перебои Тессы стали едва слышны. Тёмное далёкое место осталось там, где было, и не шевельнулось.

Остался только торопливый звук Эрмиты, подступавший всё ближе, и ещё один, совсем маленький, почти неразличимый: чужое сердце, очень быстрое.

Ильва была рядом до последнего. Он больше не видел её, смотреть было уже нечем, но слышал, как её тон держится возле его собственного, не смешиваясь и не вплетаясь, лишь не отходя, как не отпускают руку того, кто засыпает.

— Митр, — произнесла она уже почти издалека.

Он хотел ответить, но ответить уже не получилось.

— Береги её.

Глава 3

Ирма пришла сама, и это было первое, что показалось Арви странным. Ирма никогда никуда не приходила, наоборот, все шли к Ирме в медотсек, в её единственную на весь борт отдельную каюту, а если очень надо, то в коридор, где она стояла с кружкой и смотрела с таким выражением лица, что человек достаточно быстро догадывался, что пора уйти. А тут она постучала в приоткрытую капитанскую дверь, дождалась, когда та откатится, и не вошла, а остановилась на пороге, держа в руках что-то плоское, завёрнутое в медицинскую салфетку.

— Можно? — спросила она.

Арви сидела на койке с ведомостью Пица на коленях и третий раз складывала одну и ту же колонку. Колонка не сходилась на сорок крон, и это почему-то было очень важно.

— Конечно. Садись.

Ирма села на откидной стул, положила свёрток на стол и развернула салфетку. Под ней лежал планшет, старый, с затёртым углом, в который Митр, читая, утыкал большой палец. Арви узнала планшет раньше, чем поняла, что это он, и на секунду ей стало трудно сидеть ровно.

— Он просил отдать, если не вернётся, — сказала Ирма. — Ещё на Сиваше. Я его тогда отругала, что он ерунду говорит, а он сказал: «Вот и хорошо, значит, тебе будет легко держать его у себя и не открывать». Конечно же я не открывала.

— Почему ты, а не… — Арви не договорила. Не ей же. Не отцу.

— Потому что я старая и меня трудно удивить, — сказала Ирма. — И потому что я врач. Он считал, что врач отдаст вовремя: не в первый день и не через год.

— А сейчас это самое время?

Ирма помолчала, глядя не на неё, а на салфетку, которую аккуратно складывала вчетверо.

— Ты вчера сама поела, — сказала она наконец. — Мик доложил. Два раза и по собственному желанию. Значит, вовремя.

Арви засмеялась, потому что это было похоже на правду и потому что смеяться было проще, чем взять планшет. Потом всё-таки взяла. Он был тёплый от Ирминых рук, экран загорелся

без ключа: Митр снял блокировку заранее. Это она тоже отметила, что он позаботился, чтобы никому не пришлось ничего взламывать.

Она ждала письма и даже знала, каким оно будет: коротким, неловким, без единого лишнего слова, но там обязательно будет что-нибудь, за что можно держаться ночью. Пальцы у неё стали холодными, и она нарочно медленно открыла единственный файл на главном экране.

Файл назывался «Если придется выкручиваться без меня».

Первым пунктом шёл Дарен.

«Дарену я все передал раньше. Нельзя сидеть на Сиваше. Гаспра вернётся к озеру, и первым делом к вам. На астероиде у Феоды есть научный институт, частный, там работают многие старые сотрудники Гаспры, вы с Ирмой даже кое-кого знаете. Контакты ниже. Хорошо бы улететь сразу, вещи можно не собирать, всё нужное купите на пересадке на Феоде. Вам необходимо продолжать работу по кристаллам и кружеву. Мои записи в папке „Сиваш“, полевые, неполные, исправлять смело. Кашель надо лечить, и это не шутка».

Дальше шли адреса, имена, какие-то цифры, расписание попутных бортов до Феоды, и всё это было разложено так аккуратно, будто он составлял грузовой манифест. Арви пролистала вниз, потом ещё вниз, пропустила список литературы, таблицу с замерами на озере. Признаний не было. Прощания не было. Не было даже её имени с заглавной буквы где-нибудь в середине фразы, как бывает, когда человек пишет и вдруг вспоминает, кому пишет.

Её имя стояло в начале второго пункта, так же, как имя отца в начале первого.

«Арви. Ласпи. Договориться о защите от Гаспры: им это выгодно, нужно только, чтобы они это увидели. Поддержать работу Дарена в институте, деньгами или прикрытием, лучше и тем и другим. Говорить с ними лучше на их языке: исследования — это путь к новым кристаллам, больше кристаллов — больше влияния. Это они точно купят».

И ниже, отдельной строкой, с отступом, будто он отодвинул её от остального текста локтем:

«Ласпи нужно выдавать не всё, им просто не нужно знать всё. Они в первую очередь преследуют свои цели, а их цель — влияние. Решать, что именно отдать, — тебе. Ты лучше знаешь, сколько стоит каждая вещь».

Арви прочитала это два раза, а потом ещё раз — только последнюю фразу. Ирма сидела тихо и ничего не спрашивала.

— Он мне задание оставил, — сказала Арви. Голос получился какой-то чужой, и она откашлялась. — Ты понимаешь? Он умер, а мне — задание со списком.

— Понимаю, — сказала Ирма.

— Отцу — лететь, мне — договариваться, Ласпи — не всё. Всех расставил по шахматной доске и свалил. — Арви ткнула пальцем в экран так, что тот мигнул. — И ни слова. Ни одного слова, Ирма! Хоть бы «береги себя» написал, для приличия.

— Он не писал здесь для приличия. И мне кажется, он искренне считал, что у него всё получится, и дал вам список дел на время его отсутствия.

— Знаю.

Она знала. В этом-то и было дело. Она сидела с его планшетом на коленях и злилась на него так, как не злилась все эти недели, когда вывалить всю свою ярость было не на кого: на озеро же не выльешь свой гнев. А тут он был — в каждой строчке, в этих коротких глаголах без «пожалуйста», в «кашель лечить, это не шутка», в том, что он даже не стал решать за неё, что отдавать Ласпи, а сказал: решать тебе. Вот так он и на «Кантипе» делал, и потом в каждом деле — разложит, кому что нести, и отступит в сторону. И ты стоишь со своим куском, тяжёлым, неудобным, а бросить нельзя, потому что он тебе его доверил.

Злость была горячая и почему-то лёгкая. Арви вдохнула глубоко, до самого дна, где все эти недели сидел колючий ком, и впервые за много дней не стала считать вдохи.

— Он вам с Дареном говорил, что там? — спросила она.

— Говорил, что-то для Дарена в основном, — ответила Ирма. — Что ты и так разберёшься, а отец без пинка не уедет. Мы с ним много про это говорили, про другой способ… Ну, ты знаешь. Он хотел, чтобы это не кончилось на нём. Он Хранитель, Арви, он с детства учился беречь Тихих, он продолжает их

беречь и после смерти.

Ирма встала, сунула сложенную салфетку в карман и у двери обернулась.

— Колонка у тебя не сходится на сорок крон, потому что Пиц внёс картриджи два раза, — сказала она. — Я видела, когда подписывала. Иди к отцу.

* * *

Дарен читал внимательно, держа планшет на вытянутой руке, как держат что-то горячее. Кашлянул, потом ещё раз, досадливо, и Арви увидела, как он дошёл до строчки про кашель, потому что лицо у него сначала обиделось, а потом сморщилось, и он отвернулся к иллюминатору.

— Он мне уже изложил все вкратце, — сказал Дарен глуховато. — Он связался с людьми в лаборатории, они меня ждут. Ирма уже пакует свои исследования для них.

— Ага, — сказала Арви.

Больше они об этом не говорили. Через два дня Дарен улетал к Феоде попутным рудовозом, с одной сумкой, потому что вещи, как было сказано, не было времени собирать. Арви проводила его до шлюза, поправила ему воротник — застёгнутый, конечно, не на ту пуговицу — и перестегнула. Он позволил. На прощание сунул ей в руку свой старый блокнот с формулами, которые она не понимала, и сказал, что это копия, оригинал при нём. Это было его «береги себя», и она его так и поняла.

Вечером она открыла в планшете Митра новую страницу, ниже его пунктов, и написала: «Вальд». Посидела, глядя на это слово, и дописала: «Что им нужно. Что мне нужно. Что я не скажу». Получилось три колонки, как в ведомости у Пица. Колонка «Что я не скажу» вышла самой длинной.

* * *

Кружка у Мика была синяя, с наполовину отбитой ручкой, и раньше она жила в камбузе, на крючке над плитой, рядом с половником. Когда она переехала на полку в капитанской каюте, никто не заметил. Арви сама заметила не сразу: однажды

утром потянулась за своей, а там стояли две, и синяя смотрела на неё сколом, как ни в чём не бывало.

Мик у неё не жил. У него была своя каюта, которую он, из-за близкой дружбы с капитаном, не делил ни с кем, свой шкаф и своя полка. Просто так получалось, что в последнее время после вахты он шёл не туда, а к ней, сначала будто бы занести ей чай, потом будто бы проверить, спит ли она, а потом уже без всяких предлогов. Он боялся оставить её одну. Утром обычно уходил пораньше — готовить завтрак. Никто ничего не объявлял, и Арви это устраивало. Объявлять было нечего: Мик был Миком, сколько она себя помнила, и то, что теперь он спал с её стороны двери, а не с той, казалось ей не новостью, а просто ещё одним способом ощутить себя в порядке.

Корабль, понятно, думал иначе. На «Стриже» тайна держалась ровно до первой пересменки.

На пересменку набились все, кто был на борту в маленький камбуз. Мик стоял у плиты спиной к столу и мешал что-то в большой кастрюле, пахнущее луком и почему-то корицей. Арви сидела в торце, с планшетом, и делала вид, что читает сводку с Тессы, а на самом деле наблюдала, как Пиц пытается незаметно отодвинуть от себя тарелку с варёной морковью.

— Капитан, — сказала Мару с другого конца стола громко и очень дружелюбно, — а можно вопрос? Чисто технический.

— Можно, — сказала Арви, не поднимая глаз.

— У вас там переборка тонкая или это мне кажется? Мы с Баженой вчера весь вечер слушали. Странная у вас дружба, говорю, шумная какая-то, и всё больше по ночам.

Кто-то фыркнул в кружку. Ленни подавился, и Гвидо заботливо постучал его по спине, сам при этом трясясь изнутри от смеха. Бажена сделала лицо, по которому было видно, что она тут вообще ни при чём и ничего не слушала, разве что совсем немножко. Арви почувствовала, как краснеют уши, и это её разозлило: ей сорок лет, она капитан, она таскала людей из горящих станций, и краснеть ей не пристало.

Мик не обернулся. Он постучал ложкой о край кастрюли, попробовал, подумал и сказал в пар:

— Сексом дружбу не испортишь.

Тут уже заржали все, даже Тобиаш, который обычно смеялся одним углом рта. Мару подняла руки, сдаваясь. Мик посолил, накрыл кастрюлю крышкой и только тогда повернулся, совершенно невозмутимый, с полотенцем через плечо.

— Пиц, морковку ешь, — сказал он. — Я видел! Тебе Ирма овощи прописала!

И всё. Больше никто ни о чём не спрашивал. Арви смотрела на него поверх планшета и думала, что вот это и есть Мик: одна фраза, и то, что могло превратиться в неловкость на неделю, превратилось в смешную историю, которую будут рассказывать новичкам. Она не могла вспомнить, когда он научился так делать. Наверное, всегда умел, а она не обращала внимания.

* * *

Фриша поймала её после пересменки в коридоре, где вдвоём можно было разойтись только прижавшись к стене. Фриша прижиматься не стала, а встала поперёк и спросила:

— Капитан, а можно серьёзно?

— Серьёзно — это как Мару, или по-настоящему?

— По-настоящему. — Фриша покраснела, но не отступила. — Как вы вообще относитесь… ну, к отношениям на корабле? Я не про вас. То есть про вас тоже, но я в целом. Есть какие-то правила? Я на других бортах слышала, где запрещают совсем, а где капитан должен разрешение давать…

Арви прислонилась к стене. Ночные полосы вдоль пола уже горели, хотя до ночи было далеко, Бажена опять что-то перенастроила.

— Разрешение я давать не буду, — сказала она. — Ещё не хватало. Спи с кем хочешь. Только без каких-то ожиданий и без споров. Пошла ночевать к кому-нибудь из экипажа — не жди ничего, кроме этой ночи. Захочется чего-то ещё — договаривайтесь словами, днём, на трезвую голову. А если утром будет просто доброе утро и кофе, значит, так и есть, и никто никому ничего не должен. Тогда на корабле будет мир.

— А если кто-то обидится?

— Если кто-то обидится — это его дело. Пока он не тащит свою обиду на пересменку и в шлюз, — сказала Арви. — Нас

четырнадцать в консервной банке, Фриша, нам ещё друг друга из пожара вытаскивать. Это главное. А в чужую постель лезть — вообще не дело капитана. Я не полезу.

Фриша кивнула, подумала и вдруг улыбнулась так, что Арви сразу расхотелось знать, к кому относился этот вопрос.

— Спасибо. Я просто… чтобы понимать.

— Понимай, — сказала Арви и отлепилась от стены. — И не гаси ночные полосы, это не моё распоряжение, это Бажена настояла.

Фриша ушла по ходу вращения, и шаги у неё были лёгкие, хотя по ходу идти обычно тяжелее. Арви постояла ещё немного, недоумевая, что там у её экипажа вообще-то происходит. Она думала, что сказала всё правильно и что никаких сторонних ожиданий у неё самой нет, только доброе утро и кофе. Мысль была спокойная и ничем не цепляла. Арви пошла к себе, дописывать третью колонку для Вальда.

* * *

Лампу Мик купил на Сиваше, на рынке у причала, пока она лежала в медотсеке. Принёс потом в коробке, перевязанной розовой лентой с какой-то солевой коркой на узле, и сказал, что это для неё, что она встаёт как раненый тяж, с проклятиями, и пусть хоть раз проснётся по-человечески. Арви тогда сунула коробку под койку и забыла. Мик не забыл. Через неделю коробки под койкой не оказалось, а над изголовьем появился матовый полукруг, похожий на половину луны, и Мик долго возился с проводом, бормоча, что Бажена его убьёт за неучтённую нагрузку.

Работала лампа так: за полчаса до подъёма начинала светлеть, сначала серо, потом розово, точно так, как светлело над Сивашем над соляным озером, — Арви это знала, она этот закат запомнила всеми органами своих чувств. И одновременно включался крохотный вентилятор, гнавший тёплый воздух с запахом йода и мокрой соли. Мик утверждал, что запах настоящий, с озера, в патроне. Арви подозревала, что это химия, и проверять не хотела.

В то утро она проснулась от розового.

Свет лежал на одеяле, на стене, на синей кружке на полке. Пахло водорослями и чем-то сладковатым, как пахло на берегу, если долго стоять у воды. Вентилятор лампы шелестел почти неслышно, под ним гудел обод, как гудел всегда, и Арви какое-то время лежала, не понимая, где она, и не желая понимать. Ей было тепло. Впервые за все эти недели она проснулась и не вспомнила сразу, что Митра нет. Вспомнила потом, через минуту, и это было тоже не так, как раньше: не ударом в живот, а как вспоминают о погоде за окном — там холодно, да. Значит, оденься.

Мик спал рядом, на спине, хотя всегда засыпал лицом к стене. Одеяло он с себя сбросил, майка задралась, и он сопел носом, тонко, с присвистом, как сопел, наверное, ещё в рое, когда им было по семь и их иногда укладывали в одной спальне, если они заиграются и уснут. Розовый свет ложился ему на лицо, и Арви вдруг увидела это лицо, как видят чужое на улице: узкий нос, длинные веки, тонкие губы, впалые виски. Тонкое, какое-то благородное лицо, она всегда дразнила его за это. И руки — одна лежала на одеяле, раскрытой ладонью вверх, большая, тяжёлая, с ожогом на большом пальце от той самой кастрюли и с мукой, которую он не до конца отмыл. Руки грузчика при лице музыканта. Она тысячу раз это видела и ни разу не смотрела.

Что-то сжалось у неё в груди, тепло и больно одновременно. Ей стало его жалко — до слёз, без всякой причины: за этот свист носом, за муку под ногтем, за то, что он стоял ночью у её двери и не стучал, за то, что тренировался у Мару и впервые подтянулся и радовался этому, как мальчишка, за то, что купил ей лампу, чтобы она хоть раз проснулась по-человечески, и не сказал, что это ради неё, а сказал, что она ругается. Он всё время что-то ей приносил. Пирог, чай, одеяло. Кружку на полку. А она брала, как берут воздух из регенератора: не замечая, потому что он есть и всегда будет.

Ей стало стыдно, так остро, что она закусила губу. Как будто ей двадцать лет носили подарки, а она принимала их не глядя, использовала не глядя. Он был её опорой, её роем и частью её существа.

Арви приподнялась на локте и посмотрела на него ещё, теперь уже нарочно, медленно, стараясь запомнить, хотя запоминать было нечего: она знала это лицо всю жизнь. И не знала совсем. Нежность поднималась в ней волнами, тёплыми и бессмысленными, от которых хотелось то ли плакать, то ли смеяться, то ли трогать его за всё подряд. Она наклонилась и поцеловала его — в висок, туда, где начинались волосы.

Мик перестал сопеть. Открыл один глаз, потом второй, посмотрел на неё снизу, на розовый свет за её плечом и спросил хрипло:

— Работает?

— Работает, — сказала Арви и поцеловала его ещё раз, теперь в губы.

Ничего не спрашивая, он поднял руку, ту самую, испачканную мукой, и положил ей на затылок, осторожно, будто боялся помять, и она, благодарная ему за это молчание, прижалась к ладони и подумала, что та горячая и что она этого раньше не знала. Хотя знала, конечно, сто раз знала. Всё, что было между ними раньше, ночи, о которых шутила Мару, вдруг куда-то ушло, будто их и не было, будто это было с кем-то другим, по-дружески, наспех, в темноте, когда не смотрят. А сейчас был розовый свет, и она смотрела. Смотрела, как он стягивает майку и путается в ней, и смеялась, и помогала, и целовала его в плечо, в ключицу, в шрам на рёбрах, про который она знала, откуда он, — с той аварии в доках, когда им было по шестнадцать, — и только сейчас поняла, что ей до сих пор за него страшно.

Он был медленный и очень бережный, и всё время смотрел ей в лицо, будто проверял, здесь ли она. Она была здесь. Ей не хотелось быть нигде больше. Всё было впервые: его тяжесть, его дыхание у её шеи, его рука на её спине, широкая, накрывающая почти всю лопатку. Обод гудел, пахло йодом и солью, и где-то за переборкой лязгнул лифт в спице, а ей было всё равно, слышно их или нет.

Потом она лежала у него на плече, и розовый свет уже стал почти белым, как и положено настоящему утру. Мик гладил её по волосам и молчал. Арви смотрела на синюю кружку с отбитой ручкой и думала, что она его любит. Не только как друга,

не только как брата из роя, не только как стенку, к которой привалиться, когда совсем плохо, а вот так. Как мужчину. И, кажется, всегда любила, только не знала, что это называется так, потому что ждала, что любовь должна быть похожа на пожар, а она была похожа на свет над соляным озером, который включается сам, каждое утро, и ты думаешь, что так и надо.

— Мик, послушай, — сказала она.

— М?

Она хотела сказать. Слова были простые, она их знала. Но он повернул голову, посмотрел на неё сонно и так спокойно, что она поняла: можно и потом. Он никуда не денется. Он вообще ни разу никуда не делся.

— Сколько до вахты? — спросила она вместо этого.

— Двадцать минут, — сказал Мик, не глядя на часы. — Лампа же. Я её на полчаса раньше поставил.

— Зачем?

— Затем, — сказал он и закрыл глаза, улыбаясь. — Чтобы успеть.

Продолжение

Это первые 3 главы книги «Сердце Эрмиты» Марты Милоданович.

Полная книга — на сайте автора: https://milodanovich.ru/books/